
АРМЕН
ГАСПАРЯН

ШПИОНСКИЙ
МАРШРУТ МОСКВА —
БЕРЛИН — ПАРИЖ

.....

БЛЕСТЯЩИЙ
ДЕБЮТ
ЧЕКИСТОВ

.....

КРАХ БЕЛОЙ
ЭМИГРАЦИИ

ОПЕРАЦИЯ
«ТРЕСТ»

Книги Армена Гаспаряна

Армен Гаспарян

**Операция «Трест».
Шпионский маршрут
Москва – Берлин – Париж**

«Питер»

2017

УДК 94(47):355.402
ББК 63(2)3-67

Гаспарян А. С.

Операция «Трест». Шпионский маршрут Москва – Берлин – Париж
/ А. С. Гаспарян — «Питер», 2017 — (Книги Армена Гаспаряна)

ISBN 978-5-4461-0372-0

Операция «Трест» – одна из самых успешных в истории советской разведки. О ней написан роман и снят художественный фильм, который посмотрели едва ли не все жители нашей страны. Но всё ли мы знаем о той масштабной и кропотливой работе, которая была проделана советскими чекистами, внедрившимися в круги белой эмиграции? Большое количество документов, касающихся этой операции, до сих пор хранится под грифом «Секретно». Однако недавно историки получили доступ к новым рассекреченным архивам. Что в них – ответы на вопросы или очередные загадки и без того закрученного сюжета? Известный писатель и историк Армен Гаспарян рассказывает об операции «Трест», основываясь на уже известных, а также вновь открывшихся фактах, раскрывая перед читателями подлинную картину событий прошлого.

УДК 94(47):355.402

ББК 63(2)3-67

ISBN 978-5-4461-0372-0

© Гаспарян А. С., 2017

© Питер, 2017

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Армен Гаспарян
Операция «Трест». Шпионский
маршрут Москва – Берлин – Париж

© ООО Издательство «Питер», 2017

© Серия «Книги Армена Гаспаряна», 2017

Предисловие

*С тобой, мой враг, под кличкою «товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожаров,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почував смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.*

Н. Тuroверов

Когда-то очень давно я впервые увидел четырехсерийный телевизионный фильм «Операция “Трест”», снятый на киностудии «Мосфильм» в 1967 году. Целое созвездие блестящих актеров, среди которых Игорь Горбачев, Армен Джигарханян, Донатас Банионис, Людмила Касаткина, сумело великолепно передать основную идею фильма, выпущенного к 50-летию Октябрьской революции: советская республика, находящаяся в кольце врагов, ведет отчаянную борьбу с недобитыми белогвардейцами, которые все как один пошли служить иностранным разведкам. Противостоят им доблестные сотрудники Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), просчитывающие на много ходов вперед любую ситуацию. Но самим им было не под силу справиться с такими опытными врагами. Тогда на помощь приходят патриоты-некоммунисты из вчерашних монархистов и националистов. Совместными усилиями коварный враг повержен...

Это классический шпионский детектив, где герои не играют бессмысленно мускулами и не стреляют по-македонски каждые 15 секунд. В центре сюжета психологическое противостояние своих и чужих. Чтобы еще больше усилить эффект, в кадре то и дело появляется профессиональный историк, который с документами в руках рассказывает о подробностях того или иного эпизода. Надо отдать ему должное – рассказывает почти правду. Даже не так: он рассказывает советскую правду, которая была правдивее всех правд, потому что печаталась в газете «Правда». Будь иначе, сей ученый муж наверняка бы знал настоящую фамилию отпетого врага рабочих и крестьян «фон Лямпе». И уж конечно бы он знал, что таких шикарных домов у русских эмигрантов никогда не было. Но кому в Советском Союзе об этом было известно?

Годы шли. Рухнул СССР, открылись архивы. Историки получили доступ к важнейшим документам. Однако полную историю того самого «Треста» так никто и не удосужился написать. Да что там говорить про всю операцию, если даже ее основные этапы до сих пор неизвестны широкому кругу. Узкому, кстати, тоже. Одни мифы сегодня сменялись другими. Теперь палачи-чекисты, взяв в заложники ближайших родственников своих помощников монархистов-националистов, неисчислимыми жертвами добыли победу в кровавой схватке с белогвардейскими недобитками. Ничего общего с историей такая трактовка не имеет. Это была схватка достойных соперников. Не случайно Артузов с уважением отзывался о Захарченко-Шульц, а Кутепов – о самом Артузове. Об этом стоит помнить накануне 100-летия тех событий.

Пользуясь случаем, я выражаю огромную признательность читателям моего «Твиттера» за помощь в работе над книгой.

Часть I

«Синдикат-2». ОГПУ против Бориса Савинкова

*Нет родины – и все кругом неверно,
Нет родины – и все кругом ничтожно,
Нет родины – и вера невозможна,
Нет родины – и слово лицемерно,
Нет родины – и радость без улыбки,
Нет родины – и горе без названья,
Нет родины – и жизнь, как призрак зыбкий,
Нет родины – и смерть как увяданье...
Нет родины. Замок висит острожный,
И все кругом не нужно или ложно...*

Б. Савинков

Глава 1

Охотник за царскими сановниками

«Я, Борис Савинков, бывший член Боевой организации Партии социалистов-революционеров, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийств Плеве, великого князя Сергея Александровича, участник многих террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа, во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Я признаю безоговорочно советскую власть и никакой другой. Если ты русский, если ты любишь свой народ – преклонись перед рабоче-крестьянской властью и признай ее безоговорочно...»

Это заявление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Поверить в то, что Савинков признал советскую власть, никто не мог. Это было невозможно по определению. И все-таки это произошло в результате блестяще проведенного первого этапа операции иностранного отдела Государственного политического управления (ИНО ГПУ). Той самой операции, которую впоследствии назовут «Трест».

Кто же такой Борис Савинков? Родился в январе 1879 года в Харькове в семье юриста и писательницы. Детство провел в Варшаве. В год окончания гимназии впервые был арестован полицией за участие в беспорядках. Польская интеллигенция протестовала против открытия памятника усмирителю восстания графу Муравьеву, который получил прозвище «вешатель» за то, что любил повторять: «*Я не из тех, кого вешают. Я из тех, кто вешает!*», намекая таким образом на своего родственника-декабриста. В подтверждение этого он издал приказ: «*Тех, кого на улицах Варшавы застанут с оружием в руках, – повесить. Остальных – расстрелять*».

Поступив в Петербургский университет на юридический факультет, Савинков снова принял участие в студенческих беспорядках и снова попадал в полицию. Тогда, к слову сказать, он исповедовал марксизм и был принципиальным противником террора. Но это не спасло его от тюрьмы, куда он попал вместе со своим старшим братом. Затем произошла трагедия, которая

навсегда изменила характер Савинкова. Его брат, оказавшись в сибирской ссылке, покончил жизнь самоубийством. А отец, не перенеся такого позора, сошел с ума и вскоре умер.

Эти события не образумили Савинкова. В 1901 году он снова оказался в тюрьме, на этот раз по делу социал-демократической группы «Рабочее знамя». Что интересно, это были сторонники Плеханова и Ленина. Спустя годы большевики предпочтут об этом не вспоминать. А ведь в то время Савинков был весьма авторитетным марксистом. Шутка ли – ведущий сотрудник газеты *«Рабочее дело»*, один из основателей группы «Социалист», талантливый пропагандист в рабочей среде. В числе же его основных лозунгов был следующий: *«Насилие недопустимо ни в коем случае и ни для каких целей»*.

И как знать, может, со временем стал бы Борис Викторович одним из лидеров большевиков, если бы не случайная встреча. В вологодской ссылке, куда его сослали за революционную деятельность, он познакомился с «бабушкой русской революции» Екатериной Брешко-Брешковской. Известный в русской эмиграции писатель Роман Гуль, знавший Савинкова лично, рассказывал спустя годы подробности:

«О России ни весточки, так, слухи одни, да все тревожные. Все старое, мол, забыто, огульно отрицается, марксисты доморощенные появились, все блага родине завоевать хотят, так сказать, механически, ни воля, мол, ни героизм не нужны, бабьи бредни да дворянские фантазии. Да, да, батюшка, тяжело это было среди бурят-то узнавать, в степи-то, да не верилось, неужто ж, думаю, наше все пропало, для чего же столько воли, да крови, да жизнью отдано? Не верилось, нет. Теперь-то уж иное дело пошло. У нас теперь сил-то во сто крат больше, наша-то закваска сильнее оказалась, так-то! Смешно мне теперь, когда везде так говорят – социалисты-революционеры. Ведь это же я назвала их так. Думали о названии. А чего тут думать? Говорю, постойте, вы считаете себя социалистами? Да. А считаете себя революционерами? Да. Ну так и примите, говорю, название – социалистов-революционеров. На этом и согласились. Так-то, сударь, все великое вмиг рождается».

В одной из своих многочисленных книг Борис Викторович так описал суть произошедшей с ним метаморфозы:

«Счастлив, кто верит в воскресение Христа, в воскресение Лазаря. Счастлив также, кто верит в социализм, в грядущий рай на земле. Но мне смешны эти старые сказки, и 15 десятин разделенной земли меня не прельщают. Я сказал: я не хочу быть рабом. Неужели в этом моя свобода... И зачем мне она? Во имя чего я иду на убийство? Во имя террора, для революции? Во имя крови, для крови? Но я не могу не убить, ибо люблю. Если крест тяжел – возьми его. Если грех велик – прими его».

И морально Савинков уже был готов к греху. И без колебаний принял решение: бежать с каторги вместе с другом Иваном Каляевым. Добравшись до Архангельска, они сели на пароход. Заграничных паспортов, разумеется, у них не было. Но тогда про это никто не спрашивал. Через Норвегию беглецы добрались в Швейцарию, где их уже ждал один из лидеров социалистов-революционеров Михаил Гоц. Савинков буквально с порога заявил ему, что хочет работать в терроре. Но так просто в боевую организацию не попадали. Гоц тактично намекнул, что нужно подождать и осмотреться. Однако молодой боевик сразу понравился ему, и через несколько дней он познакомил Савинкова с Евно Азефом. Руководитель боевой организации производил на людей отталкивающее впечатление. Он был непомерно толст, с одутловатым желтым лицом и темными маслинами выпуклых глаз. Череп кверху был сужен, лоб низкий. Глаза смотрели исподлобья. Над вывороченными жирными губами расплющивался нос. Его

уродство не могла сгладить даже модная одежда. Но при этом от него веяло таким спокойствием и хладнокровием, что собеседники сразу понимали: перед ними фигура.

Он и был такой. Евно Фишелевич Азеф. Он же Валентин Кузьмич, он же Виноградов, он же Иван Николаевич. Свою нелегкую карьеру он начал простым осведомителем охраны со скромным окладом 50 рублей в месяц. Через десять лет службы Азеф уже зарабатывал в десять раз больше, но жалованье получал крайне нерегулярно. Сохранились его многочисленные слезливые письма, в которых он просит поскорее перечислить ему зарплату. Сам о себе он говорил: *«Я местечковый еврей, который и должен был пойти в революцию. Ничего хорошего от царского режима мы не видели. Но мы сделаем так, что у всей России затрещат кости»*. Они и затрещали. При самом активном участии Бориса Савинкова.

* * *

Дальнейшую жизнь Савинкова газеты со временем назовут кинематографической лентой. Она, собственно, таковой и была. Молодой социалист-революционер играл главную роль в боевике, в котором он же был автором сценария и режиссером.

Знаменитый эсеровский боевик Б. В. Савинков¹

¹ Весь фотоматериал этой книги вы можете скачать по ссылке: <https://goo.gl/Pc66Ek>

Савинков сразу же предложил Азефу громкий террористический акт – убийство министра внутренних дел Плеве. Был даже готовый пойти на это Иван Каляев. Но его кандидатура чем-то не устроила Азефа. Рассерженный Каляев тогда в сердцах бросил: *«В жизни не видел отвратительней этого толстопузого купца. Я служу партии и делу освобождения России. И буду работать там, где найду более нужным и целесообразным»*.

Но Азефу не было никакого дела до детских обид Каляева. В его голове уже созрел хитроумный план – взорвать бомбу под каретой Плеве. Была сформирована группа боевиков, которая должна была тщательно изучить маршруты министра в столице, время поездок, численность охраны. Предполагалось, что действовать группа будет под видом извозчиков, газетчиков, разносчиков. Руководителем группы был назначен Борис Савинков. Сам же Азеф направил в Петербург донесение:

«Боевая организация существует, и в ее составе насчитывается 6 человек исполнителей, выразивших готовность пожертвовать собой. Для покушения на министра предполагается применить динамит, коего в распоряжении организации имеется до двух с половиной пудов. Никого из исполнителей пока еще в Петербурге нет. Руководителя обещали прислать из-за границы и, кажется, что он уже приехал в Россию, но в Петербурге его еще нет. Министра предполагают подкараулить при выходе от одной дамы, проживающей на Сергиевской».

18 марта 1904 года все должно было пойти по плану. И действительно, гуляя по Летнему саду, Савинков услышал взрыв. Но он рано торжествовал. Это был выстрел полуденной пушки в Петропавловской крепости. Покушение сорвалось из-за трусости одного из боевиков – Абрама Боришанского. А ведь у него была идеальная позиция, чтобы бросить бомбу в карету. Более того, эта самая карета едва не сбила его с ног.

Рассудив, что первый блин всегда выходит комом, Савинков взялся довести дело до конца. Для этого он превратился в представителя английской фирмы. Снял роскошную квартиру на улице Жуковского. Гувернанткой у него была Дора Бриллиант, революционерка из зажиточной еврейской семьи. Лакеем служил Егор Сазонов, который и должен был осуществить убийство Плеве. Азеф даже советовал Савинкову купить автомобиль, но тот отказался тратить попусту деньги. В разговоре с Каляевым он сказал тогда:

«Жертвую собой – для себя. Потому что я этого хочу, тут моя воля решающая. Я, может быть, буду бороться одиночкой, не знаю. Но иду только до тех пор, пока сам хочу идти, пока мне радостно идти и бить тех, кого я бью!»

Утром 15 июля Савинков в задумчивости смотрел вслед уходящему Сазонову. Одетый в форму железнодорожника, он нес в руках большой пятикилограммовый цилиндр, завернутый в газету и перевязанный шнурком. Через несколько часов бомба взорвется под каретой министра иностранных дел. В своей книге «Азеф» Роман Гуль так описал убийство Плеве:

«Не рассуждая, кинулся к карете Сазонов. В секунду увидел в стекле старика. Старик рванулся, заслоняясь руками. И во взгляде отчаянных глаз Плеве и Сазонов в ту же секунду поняли, что оба умирают. Цилиндрическая бомба ударилась, разбив стекло. Рысак сшибло страшным ударом, словно они были игрушечными. На всем ходу упали лошади. Серо-желтым вихрем в улице взметнулся столб дыма и пыли. Заволоклось все. Лежа на мостовой, Сазонов удивился, что жив, хотел приподняться, но почувствовал, что тела нет. С локтя, сквозь туман, увидел валяющиеся красные куски подкладки шинели и человеческого мяса. Сазонов удивился, что нет ни коней, ни кареты. Хотелось закричать “Да здравствует свобода! Да здра...” Но все потемнело

перед глазами...» Савинков лично пришел на место убийства. Оттолкнул ногой окровавленный кусок мяса, с досадой подумав, что это, должно быть, останки Егора. Но он ошибался. Вдоволь попарившись в бане, Савинков купил на улице вечернюю газету и с огромным удивлением увидел в ней портрет Плеве в траурной рамке. Ликуя в душе от удачно проведенной операции, он отправился на вокзал. В Москве его уже ждал Азеф, которому необходимо было сообщить все подробности террористического акта.

* * *

Савинков вошел во вкус. Он все реже вспоминал о своем «толстовстве». Теперь это был совершенно другой человек – расчетливый убийца. Сам о себе он говорил в бунтарских стихах так:

*Гильотина – жизнь моя!
Не боюсь я гильотины!
Я смеюсь над палачом,
Над его большим ножом!*

В деле, заведенном полицией на него, значилось: *«Представляет собой наиболее опасный тип противника монаршей власти, ибо он открыто и с полным оправданием в арсенал своей борьбы включает убийство. Слежка за ним и тем более предотвращение возможных с его стороны эксцессов крайне затруднительны»*.

Савинков взялся за организацию убийства генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Исполнять этот теракт вызвался Иван Каляев. «Поэт», как называли его в партии, был крайне огорчен, что не стал «карающим мечом судьбы» в деле Плеве, и жаждал проявить себя. Савинков не возражал. Он знал, что его близкий друг блестяще справится с делом. Так и произошло. 6 февраля 1905 года московские газеты писали:

«На месте взрыва лежала бесформенная куча, состоявшая из мелких частей кареты, одежды и изуродованного тела. Публика, человек 30, осматривала следы разрушений; некоторые пробовали высвободить из-под обломков труп. Зрелище было подавляющее. Головы не оказалось; из других частей можно было разобрать только руку и часть ноги».

Сам Савинков через несколько лет в своих мемуарах остановится на этом деле подробно:

«Я прошел мимо дворца и кареты и через Никольские ворота вышел на Тверскую. У меня было назначено свидание с Дорой Бриллиант на Кузнецком мосту, в кондитерской Сиу. Я торопился на это свидание, чтобы успеть вернуться в Кремль к моменту взрыва. Когда я вышел на Кузнецкий мост, я услышал отдаленный глухой звук, как будто кто-то в переулке выстрелил из револьвера. Я не обратил на него внимания – до такой степени этот звук был непохож на гул взрыва. В кондитерской я застал Дору. Мы вышли с ней на Тверскую и пошли вниз к Кремлю. Внизу у Иверской нам навстречу попался мальчишка, который бежал без шапки и кричал: “Великого князя убило, голову оторвало”».

Лидеры партии торжествовали. Чернов с гордостью говорил тогда: *«За нами пойдут крестьяне, за нами рабочие! Горой пойдут! И власть над революцией будет наша, эсеровская власть!»* Лишь одному Савинкову до этого, казалось, не было никакого дела. Личное участие в

терроре для него было важнее всех остальных партийных мероприятий. Он неустанно говорил, что политическое убийство – внепартийное дело. Ведь оно служит всей революции в целом. Поэтому и принимать участие в деятельности боевой организации может хоть анархист-максималист, если он идейный сторонник индивидуального террора. Он даже не задумывался тогда, на чьи деньги совершал убийство. Узнав, что средства выделяли японцы, Савинков был смущен. Азефу пришлось объяснять своему романтичному другу:

«Нужны деньги, мы их возьмем. Если сделаем дело, общество и прочая сволочь само побежит за нами. А если ничего не сделаем, нас же затопчут. Без денег что ты сделаешь? Эх, ваше сиятельство, людей убиваете, а все в белых перчатках ходить хотите, верно Гоц тебя скрипкой Страдивариуса зовет. Все рефлексии, вопросы, декаденщина всякая, как это – “о, закрой свои бледные ноги!”...»

* * *

В мае 1906 года Савинков отправился в Севастополь для организации покушения на адмирала Чухнина. Интересно, что он не знал о принятом центральным комитетом эсеров решении прекратить террор и распустить боевую организацию. Через два дня Савинков был арестован по подозрению в покушении на коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта Неплюева. Никакого отношения к этому делу знаменитый боевик не имел. Однако по поводу своей судьбы он иллюзий не строил – ему грозила смертная казнь. Более нелепую ситуацию представить было сложно: Савинков должен был отправиться на виселицу за то, в чем не участвовал и к чему относился с презрением. Ведь покушение на Неплюева готовил 16-летний гимназист. Но чтобы не нарушать неписаных правил истинного революционера, Савинков должен был молчать на суде. В своих воспоминаниях он напишет потом:

«Я сидел в тюрьме и ждал казни. Но как-то не верилось в смерть. Смерть казалась ненужной и потому невозможной. Даже радости не было, гордости, что умираю за дело. Было какое-то странное равнодушие. Не хотелось жить, но и умирать не хотелось... Помню: меня занимало, режет ли веревка шею, больно ли задыхаться?»

Но получить давно заслуженную веревку Савинкову не довелось. Все закончилось удачно организованным побегом. Вернувшись в Европу, из которой расшатывать устои русской государственности было значительно удобнее, Савинков принял решение на время отойти от активной деятельности. Однако долго оставаться в стороне не пришлось. Азеф, зная самую возжеленную мечту Савинкова, предложил ему участвовать в убийстве Николая Второго. План был дерзкий: планировалось построить в Германии специальный летательный аппарат для бомбометания. Но из-за отсутствия должного финансирования блестящая затея провалилась. Такая же судьба ждала еще один план Азефа – строительство подводной лодки для покушения на царскую яхту. Удивительно, но трезвый прагматик Савинков сначала предпочел не обращать внимания на откровенную глупость подобных фантазий. А потом уже стало и вовсе не до этого. Выяснилось, что Азеф – провокатор.

Известный журналист Бурцев встретился за границей с бывшим директором департамента полиции Лопухиным, который получал от Азефа секретную информацию. Отставной чиновник рассказал все, что знал о работе руководителя боевой организации на полицию. В воспоминаниях Савинков с горечью писал:

«Разоблачение Азефа нанесло тяжелый моральный удар партии и в частности террору: оно показало, что во главе боевой организации много

лет стоял провокатор. Но разоблачение это освободило вместе с тем партию от тяготевшей над ней провокации. Оно помогло пересмотреть многое в прошлом. Я решил взять на себя ответственность за попытку восстановления боевой организации. Я сделал это по двум причинам.

Во-первых, я считал, что честь террора требует возобновления его после дела Азефа: необходимо было доказать, что не Азеф создал центральный террор и что не попустительство полиции было причиной удачных террористических актов. Возобновленный террор смывал пятно с боевой организации, с живых и умерших ее членов.

Во-вторых, я считал, что правильно поставленная, расширенная боевая организация, при отсутствии провокаторов, может, пользуясь старыми методами, явиться паллиативом в деле террора: при благоприятных условиях ее деятельность могла увенчаться успехом».

Однако возобновить террор уже не удалось. И дело было не только в боязни лидеров эсеров «тени Азефа». Число желающих принять непосредственное участие в убийствах резко убавилось. Те, кто раньше рукоплескал Сазонову и Каляеву, ныне занимали совершенно другую позицию. С огромным трудом удалось собрать 13 человек. Это включая самого Савинкова и его жену. Они подготовили бомбы на английском острове Джерси и в конце 1909 года отправились в Россию. Савинков поставил цель: ликвидировать министра юстиции Щегловитова, министра внутренних дел Столыпина и великого князя Николая Николаевича. Хотя мог бы и прислушаться к одному из самых блистательных русских мыслителей начала XX века В. В. Розанову:

«Из революционеров только немногие начинают соображать, в каком положении они находятся. И при этом об этом не соображают даже такие люди, как Плеханов, Кропоткин, Лопатин. Что не “Азеф ужасен”, а что самая революция уселась в кресло азефовщины. Масса грянулась в азефовщину. Как? Почему? Что случилось? Да очень просто. Азефовщиной можно назвать всякое приглашение воевать в битве, о проигрыше которой никто не сомневается...»

Все так и получилось. Счастье изменило эсерам. Один из боевиков был сразу арестован, несколько человек, почувствовав, что за ними следят, предпочли уехать из России. Савинкову стало ясно: нужно придумать что-то новое, его методы уже известны полиции. Поэтому он распустил своих боевиков и решил создать новую террористическую организацию. Но едва они почувствовали себя готовыми к свершениям, как разразился громкий скандал: эсер Кирюхин был разоблачен как провокатор. В довершение всех бед застрелился боевик Бердо, доведенный до отчаяния подозрениями, что он работает на полицию. Одним из тех, кто его подозревал, был сам Савинков. И делал он это в свойственной ему манере. То есть не зная границ дозволенного.

В результате ЦК эсеров принял решение окончательно закрыть боевую организацию. Чернову и Гоцу стало жалко впустую потраченных 70 000 золотых рублей. Тем более что боевики особо и не стремились в Россию, предпочитая спокойную и размеренную жизнь во Франции и Англии. Огорченный таким поворотом Савинков полностью порывает с социалистами-революционерами. В своих воспоминаниях он патетически напишет:

«Было желание, я был в терроре. Я не хочу террора теперь. Зачем? Для сцены? Для марионеток? Я вспоминаю: “Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь”. Я не люблю и не знаю Бога. Ваня знал. Знал ли он? И еще: “Блаженны невидевшие и уверовавшие”. Во что верить? Кому молиться? Я не хочу молитвы рабов. Пусть Христос зажжет Словом свет. Мне не нужно тихого света. Пусть любовь спасет мир. Мне не нужно любви. Я один.

Я уйду из скучного балагана. И – отверзнется на небе храм, – я скажу и тогда:
все суета и ложь».

Глава 2

«То, чего не было...»

Еще будучи студентом, Борис Савинков начал писать и публиковать декадентские стихи и поэмы под псевдонимом Виктор Ропшин. Псевдоним придумала известная русская поэтесса Зинаида Гиппиус, имея в виду местность Ропшу рядом с царским дворцом. Ту самую, где задушили Петра Третьего. Более символичного псевдонима представить было сложно. Стихи были весьма средние, хотя критики отмечали, что автор явно не рядовая посредственность. Особенно им импонировали эти строки:

*Я шел, шатался,
Огненный шар раскалялся...
Мостовая
Пылала,
Белая пыль
Ослепляла,
Черная тень
Колебалась.
В этот июльский день
Моя сила
Сломалась.
Я шел, шатался,
Огненный шар раскалялся...
И уже тяжкая подымалась
Радость.
Радость от века,
Радость, что я убил человека.*

Расставшись с эсерами, Савинков взялся за перо всерьез. Одна за другой выходят его книги «Воспоминания террориста» и «Конь бледный». Библейское название последней абсолютно точно передает суть: Савинков открыто пишет о греховности террора, хотя еще несколько лет назад был горячим сторонником необходимости «пускания крови за народ». Теперь же совсем другие мысли властвуют над несостоявшимся цареубийцей:

«До сих пор я имел оправдание: я убиваю во имя террора, для революции. Те, что топили японцев, знали, как я: смерть нужна для России. Но вот я убил для себя. Я захотел и убил. Кто судья? Кто осудит меня? Кто оправдает? Мне смешны мои судьи, смешны их строгие приговоры. Кто придет ко мне и с верою скажет: убить нельзя, не убий. Кто осмелится бросить камень? Нету грани, нету различия. Почему для террора убить – хорошо, для отечества – нужно, а для себя – невозможно? Кто мне ответит? Я спрашиваю себя: зачем я убил? Чего я смертью добился? Да, я верил: можно убить. А теперь мне грустно: я убил не только его, убил и любовь. Так грустит печальная осень: осыпается мертвый лист. Мертвый лист моих утраченных дней...»

Уже тогда Савинков ощущал себя исторической личностью. Сам о себе любил говорить, что такие, как он, пишут историю. И вдруг неожиданно для всех он перестал кичиться атеизмом и стал адептом мистического народничества. Духовный кризис был усилен разводом с женой, которая так и не смогла сжиться с его характером. Сам Савинков, казалось, не обращал

на это никакого внимания. По меткому выражению его друга Прокофьева, он дошел умом до необходимости религии, но пока не дошел к вере. Хотя предпосылки были.

«Нужно крестную муку принять, нужно из любви, для любви на все решиться. Но непременно, непременно из любви и для любви. Иначе – опять Смердяков, то есть путь к Смердякову. Вот я живу. Для чего? Может быть, для смертного моего часа живу. Молюсь: Господи, дай мне смерть во имя любви. А об убийстве ведь не помолишься. Убьешь, а молиться не станешь. И ведь знаю: мало во мне любви, тяжел мне мой крест...»

Третий его роман *«То, чего не было»*, в сущности, стал попыткой разобраться в себе, в своей жизни. Именно поэтому книга вызвала столь бурную критику эсеров. Понять их можно. Ведь автором был тот самый человек, который когда-то с негодованием отверг предложение французской газеты написать воспоминания. *«Мы творим историю!»* – так надрывно, с пафосом бросил в лицо журналистке Савинков свой вердикт. Бросил, словно по щекам ее отхлестал. И вот теперь взялся за мемуары. Лидеры социалистов-революционеров даже цитировали Льва Толстого, пытаясь хоть таким образом образумить Савинкова: *«Когда венценосцев убивают по суду или при дворцовых переворотах, то об этом обыкновенно молчат. Когда убивают без суда, то это вызывает в династических кругах величайшее негодование»*.

Но Савинкову было необходимо найти ответы на мучавшие его вопросы. Даже не так: его влекло искусство, через любовь к которому он и пытался навести порядок в собственных мыслях и убеждениях. Отчасти ему это удалось:

«Он увидел Русь необозримых, распаханых, орошенных потом полей, заводов, фабрик и мастерских, Русь не студентов, не офицеров, не программ, не собраний, не комитетов и не праздную, легкоязычную и празднословную Русь, а Русь пахарей и жнецов, трудовую, непобедимую, великую Русь... И сразу стало легко. Он понял, что ни министры, ни комитеты не властны изменить ход событий, как не властны матросы успокоить бушующий океан. И он почувствовал, как на дне утомленной души чистым пламенем снова вспыхнула вера, вера в народ, в дело освобождения, в обновленный, на любви построенный мир. Вера в вечную правду».

Но еще больше его влекла собственная значимость, если не сказать гордыня. Он скрупулезно хранил тысячи писем, сотни статей о себе, записные книжки... И все это несмотря на в общем-то подвижный образ жизни. Пока никто так и не взялся за то, чтобы изучить весь архив, собранный Савинковым. А ведь там бесценный клад для любого исследователя: переписка с Гиппиус, Мережковским, Арцыбашевым, Волошиным, Эренбургом, Ремизовым, Философовым... А ведь есть и своеобразный бриллиант у этой короны: исповеди соратников по боевой организации, письма от Азефа и других лидеров эсеров. О них он тогда же скажет: *«Да я ненавижу их, как мелкую человеческую сволочь. Я играл с петлей. Пусть играют другие»*.

* * *

Разрыв с эсерами стал окончательным по мере сближения с известным марксистом Плехановым. Вместе они стали издавать газету «Юг». Определить политическую ориентацию Савинкова в те годы сложно, если вообще возможно. Он, словно Фигаро, появлялся на любом поле, которое еще не было занято более удачливыми конкурентами по политическому олимпу. Он был подобен ргути, стремящейся заполнить любую пустоту. И все ради того, чтобы наконец-то войти в историю. Наконец-то почувствовать себя значимым и нужным. Он ведь об этом и сам писал:

«Но та же непонятная сила, которой он радовался вчера, удерживала его. И сознание, что он не принадлежит себе, что он бессловесный и послушный солдат, теперь не только не было приятно ему, но вызвало смущение и страх».

Начавшуюся Первую мировую войну Савинков встретил на юге Франции. В стране тогда возникла паника. Казалось, только легендарный террорист сохранял спокойствие. В этом он видел особый дар судьбы – наконец-то он будет по-настоящему востребован обществом. Ему не составило особого труда получить удостоверение военного корреспондента. И вот Савинков уже шлет на Родину свои впечатления с фронта. Он, возможно, впервые в жизни не лукавил, когда говорил, что нет для него дороже городов, чем Париж и Москва. Он даже написал целую книгу *«Во Франции во время войны»*. Но особого успеха она не снискала. В России тогда царили совсем другие настроения.

Савинков, кстати, вообще имел весьма смутное представление о том, чем живет эта самая Россия. Давно прошли те времена, когда он по одному вечеру мог уловить пульс Петербурга или Москвы. На Родину ему путь был заказан, поэтому приходилось довольствоваться теоретическими изысканиями. А они у Савинкова от практики всегда были далеки, пусть он и называл себя всегда самым реальным человеком дела. Фигурально выражаясь, события 1916 года он попросту проспал. Не имея ни малейшего представления о дворцовом заговоре Гучкова² и Милюкова³ и большевистской пропаганде против войны, он почему-то считал, что нынче только эсеры с их требованием «земли и воли» способны влиять на политическую ситуацию в стране. Но даже тут он ошибался. Его вчерашние соратники по партии подготовили к революции те самые миллионы мужиков в солдатских шинелях. То есть, апеллируя к простым и понятным всем чувствам, они добились большего, чем Савинков с его убийствами Плеве и великого князя. Более того, избавившись от террора, эсеры привлекли на свою сторону средний класс, который жаждал реформ. В результате уже к началу 1917 года число членов партии превышало 800 000 человек. Чернов со товарищи получил поддержку не только крестьян, на которых всегда опирались, но и рабочих и интеллигенции. Стоит ли удивляться после этого большинству голосов на выборах в Учредительное собрание? Казалось бы, сама жизнь толкала эсеров во власть. Однако они к этому не стремились, словно боялись ответственности, о которой столь часто говорили и писали в эмиграции. Хотя во Временное правительство вошли.

Савинков ответственности не боялся. И во власть стремился. Но вот беда: его туда не приглашали. Поэтому, умерив на время свою безграничную гордыню, он сам собрался в Россию. В апреле 1917 года Савинков приехал в Петроград. Торжественной встречи не было. Приехал и приехал. Еще один революционер, кои тогда десятками возвращались на Родину. А вот Максимилиан Волошин сразу понял, что все только начинается. В письме Савинкову он отмечал:

«Не прошло еще двадцати месяцев, как Вы, собираясь идти волонтером во Франции, говорили мне, что к концу войны будете квартирмейстером от кавалерии и не помирится на меньшем. Человеку даны две творческих силы: по отношению к будущему – Вера (обличение вещей невидимых), по отношению к настоящему – Разум (критицизм, скептицизм). Их субъективная окраска – энтузиазм и презрение. Силы эти противоположны и полярны, и соединение их в одном лице рождает взрыв, молнию – действие. Но обычно их стараются обезопасить, соединить в устойчивой химической комбинации в виде политической теории или партийной программы: целлулоид,

² Гучков Александр Иванович (1862–1936) – российский государственный и политический деятель, председатель III Государственной думы, военный и морской министр Временного правительства.

³ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – русский политический деятель, историк и публицист. Лидер Конституционно-демократической партии. Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 году.

приготавливаемый из нитроглицерина! Отсюда ненависть к “идеологиям”, отличающая носителей молний, создававших великие государственные сплавы – Цезарей и Наполеонов. Из всех людей, выдвинутых революцией и являющихся, в большинстве случаев, микробами разложения, я только в Вас вижу настоящего “литейщика”, действенное и молниеносное сочетание религиозной веры с безнадежным знанием людей».

Уже через месяц после возвращения в Россию Савинков вместе с Керенским прибывает в ставку Юго-Западного фронта. Его кипучая энергия наконец-то находит выход. Он становится комиссаром 7-й армии и с упоением выступает на бесконечных митингах. Основной посыл его выступлений прост: во всех бедах армии в частности и страны в целом виноват Петроград, это источник угарного яда антигосударственной политики. Ему аплодируют. Его мысли понятны и приятны аудитории. Но ровно до того момента, когда Савинков переходит ко второй части – воевать нужно до победного конца. А воевать им очень не хочется. Все устали. Тем более что большевики кричат: хорош, товарищи, айда землю делить. Пора уже экспроприировать у экспроприаторов...

* * *

Савинков уговаривает Керенского ввести в Петрограде военное положение, провести реформы в армии, восстановить смертную казнь на фронте и в тылу и арестовать лидеров большевиков. Еще совсем недавно он был ярким противником диктатуры. Теперь же начал призывать к ней. Пытаясь убедить Керенского, Савинков совершает и театральный жест – подает в отставку. Его начинают упрашивать забрать заявление. Через неделю он так и делает. Зинаида Гиппиус записала тогда в своем дневнике:

«Идея Савинкова такова: действительно нужно, чтобы явилась, наконец, действительная власть, вполне осуществимая в обстановке сегодняшнего дня при такой комбинации: Керенский остается во главе (это непременно), его ближайшие помощники-сотрудники – Корнилов и Борис. Корнилов – это значит опора войск, защита России, реальное возрождение армии. Керенский и Савинков – защита свободы.

Савинков понимает и положение дел, и вообще все самым блистательным образом. Я не вижу, чтобы Савинковым двигало сейчас его громадное честолюбие. Напротив, я утверждаю, что главный двигатель его во всем этом деле – подлинная, умная любовь к России и ее свободе...»

Именно Савинков был отправлен Керенским в ставку Корнилова для переговоров о введении в столице военного положения. Но легенда армии уже не шел на компромиссы, требовал отставки правительства и передачи себе всей полноты власти. Керенский понимал: промедление в этой связи для него смерти подобно. И не только в политическом плане. Он прекрасно знал, что никаким авторитетом в армии не пользуется и что многие фронтовики мечтают его повесить. Ведь именно на Керенского проецировалась вся ненависть русского офицерства к политиканству, столь отчетливо обозначенная в очень популярном тогда стихотворении «Молитва»:

*Товарищи наши, в боях погибая,
Молили нас лишь об одном:
Боритесь и верьте, что правда святая
В победе над подлым врагом.
А нынче на стогах кричат Петрограда:*

*«Не надо побед нам. Все бредни долой,
Лишь корму, да пойла, да зрелищ нам надо,
Лишь в праздных восторгах сокрыта отрада,
И мы их добудем любой ценой...»
Постичь не желают народа витии,
Что лозунг их – рабства печать,
Что им же придется покорные выи
Пред наглым тевтоном склонять,
Что граждане ныне свободной России
Сапог победителя станут лобзать...»*

Стремясь сохранить власть любой ценой, Керенский пошел на временный союз с большевиками, которые были не на шутку испуганы возможными последствиями для них самих корниловского мятежа. Не прогадал и Савинков: выступив «спасителем революции», он стал петроградским военным губернатором и командующим обороной столицы от войск мятежников. Английский посол Бьюкенен записал тогда в своем дневнике:

«Мы пришли в этой стране к любопытному положению, когда мы приветствуем назначение террориста, бывшего одним из главных организаторов убийства великого князя Сергея Александровича и Плеве, в надежде, что его энергия и сила воли могут еще спасти армию...»

Спустя годы, уже в эмиграции, многие спорили: если бы Савинков поддержал тогда Корнилова, от большевиков бы и след простыл. Однако это было невозможно по определению. Савинков прекрасно понимал: если он поддержит Корнилова, то очень скоро сам окажется на виселице. Русский офицерский корпус, насквозь монархический, не забыл убийства великого князя. Не случайно Антон Иванович Деникин в своих *«Очерках русской смуты»* напишет потом:

«Взгляды Савинкова не во всем совпадали со взглядами Корнилова. Он отстаивал широкие права военно-революционных учреждений – комиссариатов и комитетов. Хотя он и признавал чужеродность этих органов в военной среде и недопустимость их в условиях нормальной организации, но, по-видимому, надеялся, что после прихода к власти – комиссарами можно было бы назначать людей “верных”, а комитеты – взять в руки. Он называл эту цель спасением родины; другие считали ее личным стремлением к власти».

Корнилов, Деникин и другие мятежные генералы были арестованы. Савинков же вышел из этой сложной игры победителем, но это была пиррова победа. Не зря Бисмарк когда-то заметил: *«Революцию замышляют романтики, устраивают циники, а плодами пользуются сволочи»*. Так и вышло. Единственным победителем стала ленинская партия, которая на волне корниловщины провела перевыборы в Советы и фактически узаконила свои вооруженные формирования Красной гвардии. Дальнейшее предсказать было несложно.

25 октября большевики совершили государственный переворот. Вместе с генералом Алексеевым Савинков безуспешно стремился разблокировать осажденный Зимний дворец. Керенский бежал в Гатчину, где пытался уговорить казачьего генерала Краснова навести в Петрограде порядок. Но было уже поздно...

Глава 3

Главный враг рабоче-крестьянской власти

После большевистского переворота Савинков отправился на Дон, в русскую Вандею. Он рассчитывал убедить собиравшихся со всей страны офицеров создать добровольческую армию, готовую дойти до Москвы и способную навести в стране порядок. Ему даже удалось войти в образованный генералом Алексеевым Донской гражданский совет – некую альтернативу коммунистической власти. Но извлечь политических дивидендов из этого не получилось. Антон Иванович Деникин писал в *«Очерках русской смуты»*:

«За кулисами продолжалась работа Савинкова. Первоначально он стремился во что бы то ни стало связать свое имя с именем Алексеева, возглавить вместе с ним организацию и обратиться с совместным воззванием к стране. Эта комбинация не удалась. Корнилов в первые дни после своего приезда не хотел и слышать имени Савинкова. Савинков доказывал, что “отмежевание от демократии составляет политическую ошибку”, что в состав Совета необходимо включить представителей демократии в лице его – Савинкова и группы его политических друзей, что такой состав Совета снимет с него обвинение в скрытой реакционности и привлечет на его сторону солдат и казачество; он утверждал, кстати, что в его распоряжении имеется в Ростове значительный контингент революционной демократии, которая хлынет в ряды Добровольческой армии. Все три генерала относились отрицательно к Савинкову. Но Каледин считал, что “без этой уступки демократии ему не удастся обеспечить пребывание на Дону Добровольческой армии”, Алексеев уступал перед этими доводами, а Корнилова смущала возможность упрека в том, что он препятствует участию Савинкова в организации по мотивам личным, восходящим ко времени августовского выступления».

В феврале 1918 года вечный боец решает покинуть столь негостеприимный для него Дон и тайно пробирается в Москву. Он прекрасно понимал, что его известность может сыграть с ним злую шутку. Но, как шутил он сам, у ЧК еще руки были коротки добраться до таких боевиков. В полувоенном френче он спокойно прогуливался по Москве, не отказывая себе в удовольствии пройти и мимо ставшей вскоре легендарной Лубянки. На него никто не обращал особого внимания. Со стороны Савинкова можно было бы принять за одного из первых советских бюрократов. Встречи со своими агентами он всегда назначал в одном и том же месте – в сквере у Большого театра.

За несколько месяцев путем титанических усилий ему удалось сколотить крупную антибольшевистскую организацию – Союз защиты Родины и свободы. Входили в нее разочаровавшиеся эсеры, озлобленные на большевиков кадеты, народные социалисты, офицеры и вчерашние юнкера. Всего удалось рекрутировать почти 5000 человек, создав отделения в Казани, Калуге, Костроме, Ярославле, Рыбинске, Челябинске, Рязани, Муроме. Во всех этих городах тайно формировались склады оружия на случай вооруженного выступления против коммунистов. Возглавляли организацию помимо Савинкова генерал-лейтенант Рычков, полковник Перхуров и командир охранявших Кремль латышских стрелков Ян Бреде.

Именно те легендарные латышские стрелки стали основой организации. С их помощью Савинков надеялся захватить всех лидеров большевиков. Казалось бы, что общего у преторианской гвардии Ленина и знаменитого боевика? Объединяло их одно: неприятие только что подписанного Брестского мира, по которому Латвия переходила под контроль Германии. А план Савинкова им очень импонировал. Предусматривалось установление диктатуры, которая

должна была бы защитить завоевания Февральской революции, передел земли в пользу крестьян и создание армии. Основной задачей своей организации Савинков видел вооруженную борьбу с большевиками. После переворота он планировал немедленно объявить войну Германии, аннулировать Брестский мир и помочь союзникам довести Первую мировую до победы. Под эти цели выделялись значительные средства. От французского посла Нуланса Савинков получил более двух миллионов рублей. Еще 200 000 рублей выделил Масарик,⁴ мечтавший продолжить борьбу против немцев за государственность Чехословакии. О роли «спонсоров» в Союзе защиты Родины и свободы сам Савинков через несколько лет начнет давать показания в суде:

«Судья: Какой тактики придерживалась ваша организация и какие ближайшие цели вы преследовали весной 1918 года?

Савинков: Наша организация была боевой организацией. Она ставила себе задачей те восстания, которые потом произошли в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Я всегда стоял на той точке зрения, что если я веду войну, то я веду ее всеми средствами и всеми способами. Наша организация имела в виду все возможные способы борьбы, вплоть до террора. Мы имели в виду прежде всего вооруженные восстания, но не отказывались и от террористических актов. В 1918 году предполагалось покушение на Ленина и Троцкого, но делалось очень мало. Пытались организовать наблюдение по старому способу, но из этого толку вышло мало не потому, что мы не хотели, а потому, что мы не смогли. Я следил за Лениным через третьи лица. Эти лица мне рассказывали о том, как живет Ленин, где живет Ленин, но дальше этого дело не пошло. К делу Каплан наш союз не имел никакого отношения. Я знал, что эсеры что-то делают, но что именно делают – этого я не знал.

Судья: В вашей брошюре *“Борьба с большевиками”* написано: “План этот удался, но только отчасти. Покушение на Ленина удалось только наполовину. Каплан только ранила его, но не убила”. Как понять эту фразу?

Савинков: Это неудачная фраза. В этой брошюре, которая была предназначена для широкого распространения, я описал правду, но не с такой точностью, с какой говорю вам.

Судья: Знали ли французы, что вы не исключаете индивидуального террора?

Савинков: Конечно, знали.

Судья: Знали ли они, что предполагалось совершить покушение на Ленина?

Савинков: Не могу сказать с полной уверенностью, но думаю, что они должны были знать. Сейчас не вспоминаю разговоров, но думаю, что такой разговор должен был иметь место. Французы не только могли, но и должны были предполагать по всему ходу наших сношений, они должны были знать...»

* * *

6 марта 1918 года в газете *«Русские ведомости»* появилась статья Савинкова, в самом начале которой он расставил точки над «i»: большевики служили и служат немцам. Соратники Ленина обиделись. Газету немедленно закрыли. Редактора и его заместителя пригласили «погостить» на Лубянку, где долго и с особым пристрастием узнавали, кто автор навета на

⁴ Масарик Томаш Гаррик (1850–1937) – чешский государственный деятель, первый президент Чехословацкой республики.

революцию. Журналисты сопротивлялись недолго и предпочли рассказать все, что знали. Во многом благодаря их показаниям через два месяца удалось арестовать более 100 членов савинковской организации в Москве. В том числе почти всех подпольщиков из числа латышских стрелков. Еще больше заговорщиков было арестовано в Казани. Все они были расстреляны в самые короткие сроки. Но многократно воспетые самим Савинковым методы конспирации в этот раз принесли желаемые плоды. Почти все лидеры союза ареста избежали. Все же у него была удивительная интуиция. Он покидал конспиративные квартиры за полчаса до того, как туда врывались чекисты. Одно время Савинков прятался даже в английском консульстве, потом решил убраться подальше от беспокойной Москвы. В Казань. Потом он отозвался о тех днях такими строками:

*Когда безгрешный Серафим
Взмахнет орлиными крылами,
Нетленный град Иерусалим
Предстанет в славе перед нами.
Смарагд, и яспись, и берилл...
Богатствам Господа нет счета,
И сам архангел Гавриил
Хранит жемчужные ворота.
Ни звезд, ни солнца, ни луны...
Нетленный град – светильник Божий:
У городской его стены
Двенадцать огненных подножий...
Но знаю: жжет святой огонь,
Убийца в храм Христов не ввидет:
Его истопчет бледный конь
И царь царей возненавидит.*

Но даже не вынужденный отъезд из Златоглавой расстраивал Савинкова. Гораздо более огорчительно было то, что французы отказались финансировать его до тех пор, пока не увидят реальных результатов работы. Их можно было понять. Летом 1918 года началось масштабное наступление немецких войск на Париж. Положение города было критическим. В этой ситуации помочь могла Россия, если бы она снова вступила в войну. Однако сделать это было реально только после свержения большевиков. Савинков немедленно взялся разрабатывать план вооруженного восстания. Члены Союза защиты Родины и свободы должны были выступить в Москве в первых числах июня. И хотя затея могла иметь неплохие шансы на успех, Савинков вскоре передумал. Он посчитал, что даже при победе в столице город оказался бы во вражеском кольце и население Москвы было бы обречено на голод. А это привело бы мало того что к стратегическому поражению, так еще и к укреплению власти большевиков.

Савинков немедленно разработал новый план. Согласно ему, восстания должны были пройти в городах вокруг Москвы: в Ярославле, Казани, Рыбинске, Костроме, Муроме. Как предполагалось, десант союзников, высадившись в Архангельске, нанесет главный удар через Вологду на Москву. В дальнейшем, взаимодействуя с войсками самарского комитета Учредительного собрания, восставшие планировали с севера и востока штурмовать Москву. Последним этапом в случае успеха всей операции должно было стать объявление войны Германии.

В ночь на 6 июля 1918 года 120 членов Союза защиты Родины и свободы и сагитированный ими броневой дивизион подняли восстание в Ярославле. В городе находились крупные военные склады, и восставшим удалось быстро вооружить большинство антикоммунистически настроенных людей. Тут же было опубликовано обращение, написанное заранее:

«Объявляю гражданам Ярославской губернии, что со дня опубликования настоящего постановления в целях воссоздания в губернии законности, порядка и общественного спокойствия:

1. Восстанавливаются повсеместно в губернии органы власти и должностные лица, существовавшие по действовавшим законам до октябрьского переворота 1917 года, то есть до захвата центральной власти Советом Народных Комиссаров, кроме особо установленных ниже изъятий.

2. Признаются отныне уничтоженными все законы, декреты, постановления и распоряжения так называемой “Советской власти”, как центральной в лице Совета Народных Комиссаров, так и местных в лице рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов, Исполнительных Комитетов, их отделов, комиссий, когда бы и за чьей бы то ни было подписью означенные акты не были изданы.

3. Упраздняются все органы означенной “Советской власти”, где бы в пределах Ярославской губернии они ни находились и как бы ни именовались, как коллегиальные, так и единоличные...»

Правая рука Савинкова полковник Перхуров объявил себя главнокомандующим Северной Добровольческой армией и губернатором Ярославской губернии. Было арестовано около 200 самых видных большевиков, некоторых из них расстреляли. И хотя восставшим удалось создать из крестьян несколько полков, через 15 дней превосходящие силы Красной армии подавили мятеж. В своих воспоминаниях генерал-майор Гоппер с горечью писал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.